

РЕВОЛЮЦИЯ «НИГИЛИЗМА» Ф. НИЦШЕ И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ О. ШПЕНГЛЕРА

Аннотация. В статье анализируется политическая философия Ф. Ницше позднего периода, периода 1888 года, ставшего как бы «кульминацией творческой эволюции философа, «заключительным аккордом», периода, оказавшего влияние на непосредственное формирование «Воли к власти» – политического завещания философа. Отмечаются специфические особенности политических рекомендаций, пожеланий философа грядущим поколениям, сконцентрированные в концепции «великой политики», в частности, пророчества, обращенные философом к революции нигилизма, характеризующего, по мнению Ф. Ницше, современную эпоху.

И как вариант своеобразного политического прочтения потомками философии Ф. Ницше рассматривается политическая философия О. Шпенглера – крупнейшего представителя консервативной революции в Германии в 20-30-ых годов XX века, оказавшего большое влияние на формирующийся в те же годы национал-социализм. В выдвинутой О. Шпенглером теории «этического социализма» своеобразно преломляются и «воля к власти», и «вечное возвращение того же самого», и «нигилизм», и теория «сверхчеловека» Ф. Ницше, которая редуционистски низводится до реально политических явлений Германии того времени и тем самым становится теоретически, политически своеобразным знаменем переживаемой действительности.

Ключевые слова: философия, этический социализм, воля к власти, сверхчеловек, нигилизм, консервативная революция, переоценка ценностей, ressentiment, развитие, вырождение.

Интеллектуальная философия Ф. Ницше достигает своего «апогея» и одновременно катастрофически завершается в 1888 г. В 1888 г. написаны последние пять произведений, в которых выражена не только «последняя воля» философа, но и его окончательные мысли, которые должны были войти в задуманный “magnum opus” – «Волю к власти». Начинает это пятитомное «Генеалогия морали» (1887), чтобы продолжиться в «Антихристе» (1888), «Сумерках кумиров» (1888), «Ницше – contra Вагнер» (1888) и завершается «Ессе homo» (1888). Отдельно стоит изданная Архивом Ницше «Воля к власти», как исполнение последней воли философа, хотя, может быть, и не в той форме, о которой он мечтал философ.

И, как отмечает М. Хайдеггер, именно этот период – период 1887-1888 гг. – является периодом самого светлого и острого понимания¹, вновь открывшихся всемирно-исторических задач, формой решения которых должна была стать «великая

политика», намеченная философом, складывание и формулирование метафизических регулятивных категорий «воли к власти» и «вечного возвращения того же самого», «переоценки ценностей», «сверхчеловека», «нигилизма». И это – с одной стороны, тогда как с другой и, может быть, не менее важной совершается окончательный переход самого Ницше, по крайней мере, так он думал, на позиции вновь обретенного древнегреческого бога Диониса; философ ощущает себя как его эманацию, «эпифанию» для современной ему Германии. Но уже в первые дни 1889 г. он совершит очередную метаморфозу, облекшись на почти на одиннадцать последних лет в мантию безумия.

Но вместе с тем 1888 г. означает так же и то, что интеллектуальная эволюция закончилась и началась эволюция духовная: «философ» стал «пророком». И, может быть, сам того не желая, «пророком катастрофы». Так, уже весной 1888 г. Ф. Ницше записывает в своих подготовительных материалах к «Воле к власти»: «Я имею счастье – вместе с тем, быть может, даже и честь – после целых тысячелетий блужданий и заблуждений

¹ Хайдеггер М. Ницше. Т. II. СПб., 2007. С. 38.

вновь отыскать путь, ведущий к некоему Да и некоему Нет»².

Отвергая, как и подобает «истинному» пророку все предшествующие формы социального предвидения, пророчества социальных реформаторов, распространенные весьма широко в XIX в. (социализм, либерализм), Ф. Ницше, тем не менее, пишет: «Роковой <или — > Бог или паяц, — все это проявляется во мне произвольно и все это Я. И вопреки этому, или, скорее не вопреки, ибо до сих пор все пророки бывали лжецами, моими устами говорит истина. Но моя истина устрашает: ведь до сих пор истиной звалась ложь»³. В другом месте, но в то же самое время философ замечает о себе: «... мне иногда кажется, что судьба человечества — в моих руках: я незримо делю ее собою надвое — на то, что было до меня, и то, что будет после...»⁴.

Полностью отвергая прежний социально-политический путь развития бисмарковской Германии, курс так называемой «реальной политики», объединяющий в себе либеральные и консервативные составляющие этого «социализма сверху», насаждаемого исто-германским канцлером О. фон Бисмарком в гогенцоллерновской Германии, Ф. Ницше отвергает само понятие прогресса и прогрессивного социального развития, современную ему теорию демократии и, в особенности, так называемый весьма актуальный для того времени — «рабочий вопрос», не только его существование, но и форму, в которую его облакает демократическая либеральная традиция.

Свои возражения современности, так называемые «набеги несвоевременного» Ф. Ницше сосредоточил в произведении 1888 г. «Сумерки кумиров», где философ не только пророчесствует о будущем, но и дает свои ответы на вопросы, поставленные временем. Ответы на вызовы современности строятся из глубины постижения дионисийского духа, из «вечности» — в которой почти двух с половиной тысячелетний период развития Европы и христианства и современный «рабочий вопрос» — явления, в сущности, одного порядка. «Но когда христианин, — пишет Ф. Ницше, — ощущает «мир», клеветает на него, чернит его: сам страшный суд есть сладчайшее утешение мести — революция, какой ожидает и рабочий-социалист, только несколько более отдаленная... Да и тот мир — для чего тот мир, если бы он не был сред-

ством чернить этот?»⁵ Социально-психологический механизм найденного Ф. Ницше в «Генеалогии морали» *ressentiment*'а своеобразно объединяет христианина древнего мира и «современного рабочего» в социальной борьбе с окружающей их социальной действительностью, угрожая ей социальной революцией, и само понятие «революция» — это не что иное, как все тот же активный «*ressentiment*», земное воплощение социальной справедливости, ожидаемое христианином только во время «страшного суда». Не случайно Ф. Ницше дальше замечает: «Глупость, в сущности, вырождение инстинкта, являющегося нынче причиной всех глупостей, заключается в том, что существует рабочий вопрос, — более того, как отмечает философ, — Рабочего сделали воинственным, ему дали право на союзы, политическое право голоса: что ж удивительного, если рабочий ощущает нынче свое существование как несправедливость? Но чего хотят? Спрашиваю еще раз. Если хотят цели, то должны хотеть и средств: если хотят рабов, то надо быть дураком, чтобы воспитывать их для господства»⁶.

Перебирая, словно четки, многие явления современной ему Германии, Ф. Ницше неизменно констатирует, что развитие, прогресс и, так называемое демократическое движение представляют собой лишь современные, а стало быть, ослабленные проявления некогда сильного социального инстинкта, его вырождение и упадок, ослабление всех сил, связующих некогда социальную жизнь. Например, «прогресс» и так называемое «прогрессивное развитие» — это, следуя трактовке нигилистического развития Ф. Ницше, «ослабление инстинктов вражды и недоверия»⁷, как частный случай общего ослабления витальности. «Так же как и требование «равенства»: известное фактическое уподобление, которое проявляется только лишь в теории о равных правах, по сути — примета упадка: пропасть между человеком и человеком, сословием и сословием, многообразие типов, воля быть собой, выделяться среди других, — то, что я называю пафосом дистанции, свойственно каждой мощной эпохе»⁸.

Сходным образом оценивает Ф. Ницше и весьма распространенный в XIX в. либерализм. Для него это не что иное, как: «... обращение в стадных

² Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 2006. С. 375.

³ Там же. С. 575.

⁴ Там же.

⁵ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 2009. С. 81.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 85.

животных»⁹. Более того, оценивая современные социальные институты, государство и государственные механизмы, Ф. Ницше и к ним применяет своеобразную теорию нигилистического упадка, вырождения, болезненного уклонения от некоего изначального типа. «Наши институты уже ни на что не годятся, — пишет Ф. Ницше. — И в этом все единодушны. Но виной тому не они, а мы. После того, как мы лишились всех инстинктов, поскольку мы уж не годны для них. Демократизм во все времена был упадочной формой организующей силы, уже в Человеческом слишком Человеческом (I 318) я охарактеризовал современную демократию со всеми ее половинчатостями, вроде германского рейха, как упадочную форму государства»¹⁰.

И далее, отбрасывая культурологический флер, Ф. Ницше так формулирует свой символ веры неоконсервативного традиционализма: «Чтобы существовали институты, должна присутствовать известная воля, инстинкт, императив, антилиберальный до ярости, воля к традиции, к авторитету, к ответственности на столетия вперед, к солидарности прошлых и будущих поколений *in infiniti*»¹¹. И хотя Ф. Ницше ошибается, когда подобный инстинкт усматривает в современной ему России, но, тем не менее, констатирует: «У целого Запада нет больше инстинктов, из которых вырастают институты, из которых вырастает будущее: его современному духу, быть может, — ничто не приходится не по нутру»¹².

И, как своеобразный ответ на вызов современности, философ формулирует свой рецепт, свой весьма оригинальный способ разрешения проблем в будущем. Тем более что именно этот ответ был использован, реализован уже в XX в. в консервативной «нигилистической» революции в Германии в 20-30-ые годы. Сам философ для описания современной ему социальной действительности, механизмов ее функционирования использует различные определения: это и «нигилизм», и «декаданс», и «вырождение инстинктов» — подменяя подчас социологические определения определениями биологическими и культурологическими с одним общим для них акцентом: все они фиксируют антивита́льный характер современности, ее вырожденческий характер, болезненное уклонение первоначального примордиального образца. Для

Ф. Ницше в обществе и, в частности, в современном ему обществе действует не ложная современная идея прогрессивного развития истории в духе весьма модной в XIX в. теории развития Ч. Дарвина, а противостоящая ей концепция «вырождения», в которой прогресс и прогрессивное развитие — это болезненное уклонение первоначального примордиального типа.

Свой ответ вызовам современности Ф. Ницше готовит с учетом выработанной к этому времени концепции «воли к власти» и «вечного возвращения того же самого», так что переоценка ценностей демократического развития, нигилизма окружающей философа социальной действительности строится как некое своеобразное развитие идей собственной теории социального развития. Эта теория своеобразно воспроизводит античный комплекс идей, связанный с так называемым, периодически возникающим мировым пожаром, гибелью, которая столь же периодически сменяется возрождением, новым развитием. Циклический механизм функционирования является как бы «снятой» формой «вечного возвращения того же самого». Этот ответ Ф. Ницше принципиально отличается от всех предшествующих форм консервативного реконструирования, реставрации прошлого, ее тотального сохранения или частичного реформирования. Ответ, в котором возрождению предшествует полная гибель, — гибель, которая в свою очередь означает обязательное возрождение в неопределенном будущем.

Это своеобразное «пророчество» Ф. Ницше грядущему обществу, которое, как он отмечал в вышеприведенном отрывке, коренным образом отличается от всех существующих социальных пророчеств, которые были — ложь, а оно, его пророчество, — истина, но истина, которую приносит философ-пророк с позиции обретенного им дионисизма, где сам философ лишь «медиум», «посредник», рупор «вечного возвращения того же самого» и становящейся «воли к власти». Пророчество звучит так: «Чего раньше не знали и что знают, могли бы знать теперь, — развитие в обратную сторону, возврат, в каком бы то ни было смысле и степени совершенно невозможен. По крайней мере, мы физиологи, знаем это. Но все жрецы моралисты верили в нечто подобное — они хотели ввергнуть, вернуть человечество в прежнюю меру добродетели. Ничего не поделаешь: надо идти вперед, хочу сказать, шаг за шагом дальше в *decadence* (вот мое определение современного «прогресса»). Можно приторозить это развитие и тем самым запрудить

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 88.

самое вырождение, накопить его, сделать более бурным и внезапным — больше сделать нельзя ничего»¹³. Это не подмораживание социальных отношений, прогресса, как предполагали, скажем, русские консерваторы, в частности, К.Н. Леонтьев, а наоборот, движение до полного абсурда, полной гибели, обещающей возрождение в будущем или все тот же абсурд. Более того, Ф. Ницше рисует картину исторического процесса, наступающего с неумолимой апокалипсической необходимостью, как процесс грядущего наступления нигилизма, который дал о себе знать наиболее отчетливо в последние двести лет. «Нигилизм стоит за дверями, — пишет Ф. Ницше в одном из фрагментов этого периода в «Воле к власти», — откуда идет к нам этот самый жуткий из гостей»¹⁴.

Собственно и история, история западноевропейского развития, совпадая в том с эпохой Просвещения XVII-XVIII вв., раскрывается Ф. Ницше как продолжающаяся история более широкого явления — надвигающегося нигилизма, революции нигилизма, давшего свое название наступающей эпохе. Подобно мифической кумской Сивилле, древнегреческой пифии, Кассандре, Ф. Ницше вещает: «Близится время, когда нам придется расплатиться за то, что целых два тысячелетия мы были христианами, мы потеряли устойчивость, которая давала нам возможность жить, — мы до сих пор не в силах сообразить, куда нам направиться»¹⁵. Используя синхронистский, диахронический подход, Ф. Ницше отводит себе в этом процессе особое место в мрачной истории — глобальном процессе обесценивания, деструкции прежних ценностей, процессе глобальной переоценки ценностей. «Мне посчастливилось, — пишет Ф. Ницше в «Воле к власти», — после целых тысячелетий заблуждений и путаницы снова найти дорогу, ведущую к некоторому «да» и некоторому «нет»¹⁶. А в «Ессе homo» (1888) философ так описывает ближайшую историческую перспективу, вытекающую из разработанной им в этот период теории «великой политики»: «Ибо когда истина вступит в борьбу с ложью тысячелетий, у нас будут потрясения, судороги землетрясений, перемещение гор и долин, какие никогда не снились. Понятие политика целиком растворится в войне идей. Все институты власти старого общества взлетят на воздух — они

все покоятся на лжи: будут войны, каких еще не бывало на земле. Только с меня начинается на Земле большая политика»¹⁷.

Ф. Ницше не довелось быть свидетелем исторических событий, предсказанных им в будущем. Уже начало 1889 года стало роковым для философа, и последующие одиннадцать лет жизни были скрыты плотной завесой безумия, накрывшего его, вплоть до смерти, последовавшей как раз на рубеже эпох — в 1900 г. Но пророчества, его пророчества, начали сбываться уже в первые десятилетия наступившего XX века, в частности, разразилась невиданная до этого в истории первая мировая война (1914-1918), когда полностью был уничтожен существовавший до этого почти полвека уютный викторианский мирок европейских государств. В ряде стран прокатились пролетарские революции, а в России возникло первое в мире тоталитарное пролетарское государство большевистской диктатуры. И если еще в конце XIX в. Ф. Ницше вопрошал: «...где у нас варвары двадцатого столетия? Очевидно, они покажутся и консолидируются только после чудовищных социалистических кризисов»¹⁸, то уже первые десятилетия подтвердили это «пророчество», и в крупнейших государствах Европы: Италии, Германии, России возникли государства вновь обретенного варварства. И как отмечал в своем обзоре развития цивилизации в XX в. О. Шпенглер, Ф. Ницше впервые было заявлено: «*Voluntas superior intellectu*»¹⁹.

Именно в этот период во многих европейских странах философия Ф. Ницше получила широкое распространение, претерпев по ходу интерпретирования различные модификации от национал-социалистических до либерально-коммунистических, вроде «ницшеанского марксизма», весьма распространенного в России в 20-е годы. Еще при жизни философа «Архив Ницше», созданный сестрой философа Елизаветой Ферстер-Ницше, монополизировал право на издание произведений, их интерпретирование и комментирование. И, как известно из далекой древности, из круга мифов о Дионисе — божество всегда окружала свита, более того, именно она и делала явление сакральным, именно она водила хороводы, именно она воспевала дифирамбы, именно она осуществляла в честь бога обряд жертвоприношения, в котором

¹³ Там же. С. 90-91.

¹⁴ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 54 (аф.54).

¹⁷ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 2009. С. 276-277.

¹⁸ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 479.

¹⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 488 («Воля превыше интеллекта»).

центральным действием был обряд, называемый спарагмос — разрывание жертвы живьем и последующий обряд омофагии — пожирание этой разорванной жертвы в честь бога, но и божество порой приносилось в жертву верующим. Так создавалось единство божества и верующих, верующих и жертвы в честь божества. «Вакханки» Еврипида — лишь слабая тень, глухое воспоминание об этой обрядовой трапезе, о спарагмосе в сочетании с омофагией. Вот такой, именно такой, жертвой, божеством и стал для «Архива Ницше» философ, вокруг наследия, которого совершала ритуальные пляски и радения сестра философа, объявившего себя в своих последних письмах: «Дионисом», «Распятым». Усилия сестры оказались не напрасны, именно они породили определенный жертвенный ритуальный вокруг философа, и в 1918 г., году подписания Версальского договора, окончания первой мировой войны, в году провозглашения Веймарской республики «Архивом Ницше» был объявлен конкурс на лучшее проникновение в ницшеанскую тему, на лучшую работу в духе Ницше. Номинантами конкурса оказались и Т. Манн («Размышления аполитичного»), и О. Шпенглер («Закат Европы»), и Э. Бертрам («Ницше»). Победил Т. Манн, хотя и О. Шпенглер стал сотрудником «Архива Ницше», получив премию за «Закат Европы» от 6 ноября 1919 г.

О. Шпенглер, наряду с братьями Горнефферами и П. Гастом под руководством сестры философа Елизаветы Ферстер-Ницше занялся подготовкой издания рукописного наследия Ф. Ницше — так называемого *Nachlass* и собственное творчество начал с того, с тех результатов, которых достиг философ в поздний период, период 1888 г. Более того, в своей работе, посвященной оценке современной политической ситуации в 1918 г. попытался применить представления Ф. Ницше к революционной ситуации, существовавшей в Германии после подписания Версальского договора (1918).

Итак, что такое революция, социальная революция по Ф. Ницше, как это следует из вышеприведенных отрывков, фрагментов, оставшихся в текстах Ф. Ницше — это нечто, что роднит и христианина и современного рабочего в их протесте против окружающей социальной действительности. И это «нечто»: «ressentiment», — который требует своего разрешения или в иллюзорной реальности «страшного суда», ожидаемого христианами, либо в социальной реальности — «насилии», свергающем несправедливое распределение результатов трудовой деятельности с последующим призна-

нием, что «собственность — это кража», которую надо взять и заново поделить. Отсюда вытекают и политические рекомендации философа грядущим «господам земли» в стремлении предотвратить подобного рода перераспределения собственности. И, прежде всего, — это отрицание той существенной связи между качеством и количеством труда и последующей оплатой. Современный рабочий — это современный солдат, для которого нет никакой связи с мерой труда и мерой оплаты за него, но есть долг послушания и т.д. «Рабочие должны научиться воспринимать жизнь как солдаты, — пишет Ф. Ницше. — Вознаграждение, жалованье — но ни в коем случае не оплата. Никакой зависимости между мерой труда и выплатой денег»²⁰.

О. Шпенглер не зря трудился в «Архиве Ницше»: почти весь первый том «Заката Европы» — это явный или неявный парафраз, латентная цитата, рассуждение на тему позднего философа, обсуждение того или иного фрагмента «Воли к власти». Как и Ф. Ницше отказываясь от решения проблемы некоей вечной метафизики, над поиском которой позже будет биться М. Хайдеггер, О. Шпенглер считал, что: «Философ не волен выбирать свои темы и философия отнюдь не всегда и не везде располагает одними и теми же темами. Нет никаких вечных вопросов, есть лишь вопросы, прочувствованные и поставленные из конкретно-определенного бытия»²¹. А это конкретно-определенное бытие Веймарской Германии после Версальского договора, когда позади первая мировая война (1914-1918), зачинщиком которой объявлена Германия и теперь должна выплачивать Франции многомиллиардные репарации, с потерей территорий, армии и права иметь свой военно-морской флот, с противостоящими ей Антантой (Франция, Великобритания), большевистской Россией и неясной исторической перспективой развития вроде грядущего социализма русского образца или капиталистического, на манер господствующего капитализма Англии, Франции и США.

Германия после первой мировой войны XX в., после Версальского договора (1918) теряла все свои приобретения, получены после франко-прусской войны (1871) конца XIX в., и вместо предполагавшихся захватов богатых промышленных районов северо-восточной Франции, пришлось отказаться от ряда собственных колоний и территорий, пережить революционные потрясения 1918 г. в Берли-

²⁰ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 411.

²¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 557.

не, Баварии, отречение Вильгельма II и создание в 1919 году Веймарской республики. Глубочайшее унижение, если можно так выразиться в стиле Ф. Ницше — *ressentiment* — пережитый Германией от Франции и Великобритании по результатам Версальского договора (28 июня 1919 г.) определили, во многом, социально-политический климат, господствующий в «конкретно — определенном» мироощущении Германии в этот период.

История, тем более современная история, стала происходить по самым мрачным прогнозам, предсказанным уже полубезумным Ф. Ницше в 1888 году, и не случайно взгляды последователей творчества философа как бы спрогнозировавшего кризис современности, обратилась и к механизмам, рецептам выхода из этого кризисного состояния, предложенным в качестве некоей альтернативной системы исторического развития. Теория «нигилизма», революция нигилизма, намеченная в этот поздний период Ф. Ницше, становится своеобразной матрицей, «внутренней метафизикой» консервативной революции Германии 20-30-х годов в работах О. Шпенглера, Э. Юнгера и Меллера Ван ден Брука, во многом определивших ход и форму протекания самой «консервативной революции». Центральной темой консервативной революции становится социализм, в качестве господствующей идеологии после военного периода, заполнившего весь промежуток между первой и второй мировыми войнами XX в. Как это формулирует весьма чуткий к историческим колебаниями социальной среды О. Шпенглер: «Если допустить, что социализм, понятый этически, а не экономически, представляет собой как раз то мироощущение, которое от имени всех насаждает собственное мнение, тогда все мы, без исключения, социалисты, безотносительно к тому, знаем ли мы это и хотим ли мы этого или нет»²². Более того, и Ф. Ницше, столь страстно отрицавший социализм по О. Шпенглеру, тоже, пусть и неявно, но социалист: «Но Ницше был также, — пишет О. Шпенглер, — социалистом, сам того не зная. Не лозунги его, а инстинкты были социалистическими, практическими, ориентированными на физиологическое «спасение человечества», о чем Гете и Кант никогда не помышляли»²³. Чтобы увидеть это, считает О. Шпенглер: «...надо только уметь выявлять необходимо практические, явствующие из структуры современной общественной жизни

предпосылки и консеквенции ницшевских ходов мысли»²⁴.

Проблема состояла в том, чтобы явления современной действительности перевести на язык философии Ф. Ницше и, наоборот, придать регулятивным категориям: «воли к власти», «вечного возвращения того же самого», «переоценке ценностей», «нигилизму», концепции «сверхчеловека» — современные мифологические определения, несущие в себе смысл регулятивных категорий, но в упаковке, форме, отвечающей современным реалиям. «Воля к власти» стала фаустовским принципом, «вечное возвращение» было переформулировано в «становление», «переоценка ценностей» становится, и в этом — своеобразии эпохи по О. Шпенглеру, — «этическим монотеизмом», «социализмом»²⁵. И, самое главное, — проблема «нигилизма», неумолимо наступающего, нигилизма, в ближайшем будущем, о котором так ярко говорил Ф. Ницше, переосмыляется, становится мобилизующей силой, преодолевающей все социально-политические противоречия современности. Собственно, в этом состоит загадка и одновременно разгадка самого понятия «консервативной революции» в Германии в 20-ые годы. С помощью выработанной им теории «этического социализма» О. Шпенглер, таким образом переформулирует ницшеанскую «волю к власти» в императив современной жизни. «Этический социализм — вопреки иллюзиям своего позднего плана, — пишет философ, — не есть система сострадания, гуманности, мира и заботливости, а есть система «воли к власти». Все прочее самообман. Цель его исключительно империалистическая: общее благо, но в экспансивном смысле, благотворительность, направленная не на больных, а на энергичных, которым собираются предоставить свободу действий, и притом наделив их властью и правом беспрепятственно преодолевать сопротивление собственности, рождения и традиции»²⁶.

Весьма интересно, что само по себе формирование «этического социализма» О. Шпенглера должно, по мнению философа, выполнять двоякую роль: быть отражением господствующей тенденции социального развития и одновременно противостоять капиталистической экономике в тех формах, которые она приобрела во Франции и Ве-

²² Там же. С. 525.

²³ Там же. С. 561.

²⁴ Там же. С. 561.

²⁵ Там же. С. 525.

²⁶ Там же. С. 550.

ликобритании. Как пишет О. Шпенглер: «Капиталистическая экономика опротивела всем до отращения. Возникает надежда на спасение, которое придет откуда-то со стороны. Упование связывается с тоном чести и рыцарственности, внутреннего аристократизма, самоотверженности и долга»²⁷. И все это, несущее «спасение», ассоциируется для О. Шпенглера с разработанным ранее понятием все того же «этического социализма». «Все, что уцелело для будущего, — пишет О. Шпенглер, — оставаясь консерватором-традиционалистом, — от династической традиции, от древней знати, что сохранилось от благородных, возвышающихся над деньгами нравов, все, что достаточно сильно само по себе, чтобы (в согласии со словами Фридриха Великого) быть слугой государства (при этом обладая неограниченной властью) в тяжелой, полной самоотверженности и попечении работе, то есть все, что Я в противоположность капитализму, означил как социализм, — все это вдруг делается теперь точкой схождения колоссальных жизненных сил»²⁸. Более того, современность для О. Шпенглера, а это годы, непосредственно следующие за окончанием первой мировой войны — это время, когда: «... разворачивается решающая схватка между демократией и цезаризмом, между ведущими силами диктаторской капиталистической экономики и чисто политической волей цезарей к порядку»²⁹. «Этический социализм» в этом случае становится не только мощным противодействием капиталистического способа ведения хозяйства, но и весьма своеобразным средством сохранения той самой традиции, аристократизма и накопленной собственности.

Более подробной детализацией «этического социализма» О. Шпенглер занялся в специальной работе «Пруссачество и социализм» (1918), где само понятие социализма в отличие от господствующих социологических интерпретаций, приобрело биологическое националистическое звучание, более того, стало «сцеплено» с нацией и расовыми особенностями, социализм стал выражением прусского духа, стал «солдатским социализмом» и т.д. И все же «оттенки» «этического социализма» О. Шпенглера должны, по мнению философа, противостоять «научному» социализму К. Маркса, не случайно они вводятся уже в самом начале работы «Пруссачество и социализм». Как пишет

О. Шпенглер: «Слово социализм служит для обозначения если не самого глубокого, то самого громкого вопроса современности»³⁰. И здесь начинается мифология, противостоящая современности; на историческую арену вызывается и прусский дух, и инстинкт и, в конце концов, такой биологический фактор, как «кровь», «ксенофобия» как социальный момент. Центральный тезис противостояния следующий: «В социализме есть более старые, более интенсивные, более глубокие черты, чем приписал ему своей критикой общества Маркс. Они существовали без него и развивались помимо него и в противоречии с ним. Черты эти в крови, а не написаны на бумаге. И только кровь решает судьбу будущего»³¹. И далее идут: весь мифологический словарь и столь мифологический способ объяснения «популярности» идей социализма, псевдориторические приемы аргументации. Нужно освободить, пишет О. Шпенглер, немецкий социализм от Маркса, «... немецкий социализм, так как иного не существует»³². «Мы, немцы, социалисты и были бы ими даже в том случае, если бы о социализме никогда не говорилось. Другие народы не могут быть социалистами»³³. И, самое главное, то ради чего писалось, собственно, все предыдущее: «Старопрусский дух и социалистический образ мышления, ныне ненавидящие друг друга ненавистью братьев, представляют собой одно и то же»³⁴. Говоря иначе, О. Шпенглер вновь взывает к своеобразному «категорическому императиву» консервативного традиционализма в принципе противостоящему духу того «аристократизма», о котором так беспокоился отец-основатель Ф. Ницше.

Начинает О. Шпенглер издали: «Я рассчитываю на ту часть нашей молодежи, которая достаточно глубока, ... рассчитываю на юношество, в котором дух отцов воплотился в живые формы, делающие их, всех без исключения, без различия, способными, не смотря на нужду и отречение, осуществить судьбу, которую они в себе чувствуют, воплощением которой они являются, реализовать ее, гордясь, подобно римлянам, своим служением, повелевая в смирении, требуя от самих себя исполнения обязанностей, а не от других — предостав-

³⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 7.

³¹ Там же. С. 8.

³² Там же. С. 9.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

²⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С.495.

²⁸ Там же. С. 495.

²⁹ Там же.

ления прав»³⁵. И все это — чтобы провозгласить, в конце концов, о триумфе некоего «бараньего сознания», которое должно вновь восторжествовать в умах все того же юношества как воплощение «старопрусского духа»: «Это сознание, подчиняющее единичное, — пишет О. Шпенглер, — лицо целому — наше самое святое и великое достояние, наследие суровых столетий, которое отличает нас от всех других народов, нас — самых молодых и последних представителей западной культуры»³⁶. Итак, самые молодые и последние из представителей западной культуры — носители сознания «целого» в противовес своего индивидуального, личного, неповторимого.

Весьма характерно, что Ф. Ницше в свое время тоже обращался к юношеству, но которое отличалась от юношества О. Шпенглера: «... люди, уверенные в своей силе и сознательной гордостью олицетворяющие достигнутую человеком мощь»³⁷. А это — не подчинение целому, это, по крайней мере, не «дух отцов», не гордость «служением», не проповедь смирения и никакого исполнения обязанностей, но это такой человек — сам себе закон, сам себе законодатель. А если еще вспомнить отношение Ф. Ницше к социализму и, может быть, к тому самому «этическому социализму», о котором так беспокоится его комментатор и последователь О. Шпенглер. «Социализм, — писал Ф. Ницше в одной из заметок «Воли к власти», — как до конца продуманная тирания ничтожнейших и глупейших, т.е. поверхностных, завистливых на три четверти актеров — действительно является конечным выводом из современных идей и их скрытого анархизма: но в тепловатой атмосфере демократического благополучия слабеет способность делать выводы, да и вообще приходиться к какому-либо определенному концу»³⁸. Ф. Ницше замечает, что в социализме: «... плохо спрятана воля к отрицанию жизни: подобное учение могли выдумать только неудавшиеся люди и расы»³⁹. Изменение установок, социальной перспективы между Ф. Ницше и О. Шпенглером показывает ту разницу, которая выросла, появилась в процессе перехода от вильгельмовской Германии XIX в. к Германии после Версальского договора (1918),

Германии Веймарской республики. Иные времена и «песни»: даже самые аристократические, вольные — поются на иной лад, учитывающий изменение времен.

Для Шпенглера весьма актуальной становится проблема не индивидуализма, аристократизма, радикализма, а проблема целостности нации, единства, борьбы с «атомистическим» эгоизмом, раздробленностью вновь распавшейся некогда объединенной еще в 1871 г. О. фон Бисмарком гогенцоллерновской Германии. Именно отсюда следует воспроизведение якобы «прусского инстинкта», где: «... власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно. Король — только верный слуга своего государства (Фридрих Великий). Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются»⁴⁰. Но это — воспоминание о прошедшем, которому в будущем вряд ли суждено, будет совершиться, если только в форме тоталитарной диктатуры национал-социалистического государства. Для себя О. Шпенглер уже в 1924 г. писал: «Моя самая сокровенная мысль состоит в том, что Европа находится в начале своего конца. Решившись погибнуть с нею вместе, я сумею исполнить свой долг»⁴¹. В этом высказывании О. Шпенглера можно усмотреть парафраз ницшеанского «*amor fati*», только с той разницей, что Ф. Ницше, может быть, — в очень далеком будущем, — но все же ожидал «возрождения» «великой политики» Германии, что напрочь отсутствует у его эпитона. И даже одна из последних работ О. Шпенглера «Годы решений» (1933) наполнена апокалиптическим предчувствиями и мрачными предзнаменованиями. «Борьба за планету началась, — пишет О. Шпенглер. — Пацифизм либеральных столетий должен быть преодолен, если мы хотим жить дальше»⁴².

По отношению к Ф. Ницше О. Шпенглер совершил своеобразную «измену» — богатство символа, мифа «великой политики», предложенный философом будущим «господам земли» он разменял на весьма конкретные импликации не только «воли к власти» в качестве «фаустовского принципа», но и «сверхчеловека» будущего в лице вполне конкретного Сесилия Родса, как его

³⁵ Там же. С. 9-10.

³⁶ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 10.

³⁷ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 59.

³⁸ Там же. С. 91.

³⁹ Там же. С. 92.

⁴⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 26.

⁴¹ Шпенглер О. Новые формы мировой политики (1924) // Шпенглер О. Политические произведения. М., 2009. С. 44.

⁴² Шпенглер О. Годы решений (1933) // Шпенглер О. Политические произведения. М., 2009. С. 219.

воплощение⁴³. Миф, символ обрел конкретные очертания, но при этом утратил свою глубину, историческую перспективу, перестал быть, как говорил Ф. Ницше по отношению к Р. Вагнеру, — «интересным». Как в свое время вопрошал Ф. Ницше: «Что выйдет из вечного жида, которого боготворит и привязывает к себе женщина? Он только перестает быть вечным: он женится, он перестает интересоваться нас»⁴⁴. О. Шпенглер так препарировал Ф. Ницше: «Ницшевская «мораль рабов» — это фантом. Его мораль господ есть реальность... Если устранить романтическую маску Борджа и туманные видения сверхчеловека, то останется сам фаустовский человек, каковой нынче и каким он был уже ко времени динамичной

культуры — как тип энергичной, императивной, динамичной культуры»⁴⁵. Революция нигилизма, предложенная Ф. Ницше в его эскизе «Великой политики» 1888 г. — попытка переоценки ценностей, явлений пассивного нигилизма, грозящего гибелью западноевропейской цивилизации, столь ярко описанной О. Шпенглером трансформируется в «активный нигилизм», могущий стать, как определял его философ; «божественным образом мысли»⁴⁶ в консервативной революции, предложенной О. Шпенглером, не состоявшаяся, хотя и стала, во многом, «реальной политикой партии националистического типа, от которой отшатнулся сам философ в 30-е годы XX в. Новорожденное детище поглотило создателя.

Список литературы:

1. Мочкин А.Н. Ф. Ницше. Интеллектуальная биография. М., 2005.
2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 2009.
3. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 2006.
4. Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005.
5. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1999.
6. Шпенглер О. Политические произведения. М., 2009.
7. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.
8. Хайдеггер М. Ницше. М., 2007.

References (transliteration):

1. Mochkin A.N. F. Nitsche. Intellektual'naya biografiya. M., 2005.
2. Nitsche F. Polnoe sobranie sochineniy. T. 6. M., 2009.
3. Nitsche F. Polnoe sobranie sochineniy. T. 13. M., 2006.
4. Nitsche F. Volya k vlasti. M., 2005.
5. Shpengler O. Zakat Evropy. M., 1999.
6. Shpengler O. Politicheskie proizvedeniya. M., 2009.
7. Shpengler O. Prussachestvo i sotsializm. M., 2002.
8. Khaydegger M. Nitsche. M., 2007.

⁴³ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 534.

⁴⁴ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 531.

⁴⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 535.

⁴⁶ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 36.